

*Ивета Кажока
(Рига, Латвия)*

ЛАТВИЯ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА О ВТОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

В Латвии 18 февраля 2012 года прошел референдум о предоставлении русскому языку статуса второго государственного наравне с латышским. Результаты голосования таковы: за два государственных языка отдали свои голоса 273347 граждан Латвии, против – 821722 [1] (то есть больше половины, имеющих право голоса).

На момент написания этой статьи после референдума прошел только один месяц, а значит, пока нет достаточных оснований судить о том, как изменилось общество Латвии: еще предстоит серьезно осмыслить события, предшес-

вовавшие референдуму и последовавшие за ним, проанализировать данные опросов общественного мнения. Именно поэтому жанр настоящей статьи можно определить как прогностический, как *policy paper*. Наша цель – обосновать возможные сценарии дальнейшего развития латвийского социума, для чего необходимо: 1) проследить цепь событий, приведших к референдуму; 2) обозначить намечающиеся после референдума изменения в общественном климате; 3) обсудить вопрос о наличии у политиков Латвии политической воли добиваться сплочения латвийского общества; 4) сопоставить различные сценарии дальнейшего развития событий.

Предыстория референдума о двух государственных языках

В течение последних пяти лет в Латвии было проведено пять референдумов, один из них – по поводу роспуска парламента и проведе-

ния новых выборов. По нынешнему уровню гражданской активности в решении государственно значимых вопросов Латвия уступает в Европе только Швейцарии.

Согласно законодательству страны референдум может быть проведен, во-первых, по инициативе президента, во-вторых — народа (при этом идея проведения должна быть поддержана не менее $1/10$ частью граждан Латвии, имеющих право голоса).

Референдум о двух государственных языках изначально не имел реалистичной цели. Чтобы изменить конституцию Латвии путем референдума, более половины граждан страны, имеющих право голоса, должны согласиться с предлагаемыми новациями. Между тем более половины граждан Латвии — латыши [4]. За кандидатов так называемых «русских партий» обычно голосуют не более 300 тыс. граждан Латвии. Поэтому можно утверждать, что референдум 18 февраля был чисто символического толка.

Причины, по которым более $1/10$ граждан Латвии инициировали данный референдум, можно объяснить, только отследив всю цепь событий, приведших к 18 февраля.

Вопросы языка, истории и гражданства традиционно самые болезненные для латвийского общества. Отношение именно к ним служит главным критерием идеологической дифференциации политических партий. Соответственно, за одни политические партии голосуют только латыши (а они составляют 62 % населения страны), за другие — в большинстве своем русскоговорящие граждане. При этом важно отметить, что примерно 14 % жителей страны не являются гражданами Латвии, а значит, не имеют права голоса на выборах и референдумах.

К референдуму о статусе двух государственных языков привели события, начало которым было положено весной 2011 года. Именно тогда одна партия, представленная в парламенте, но не входящая в правительственную коалицию (Национальное объединение), начала сбор подписей о созыве референдума по вопросу о переводе всех школ в Латвии на латышский язык обучения. Это возмутило часть русскоязычной общины. Хотя данная инициатива не собрала нужных для референдума подписей $1/10$ граждан Латвии, активисты русскоязычной общины объявили сбор подписей за проведение референдума о придании русскому статусу второго государственного языка.

В июле 2011 года по результатам другого референдума, спровоцированного коррупционным скандалом в парламенте, законодательный орган Латвии был распущен, а в сентябре 2011 года на парламентских выборах больше всего голосов (28 %) набрало объединение «Центр согласия», за которое голосовали в основном русскоговорящие граждане. В ходе предвыборной агитации эта партия не поддержива-

ла идею референдума о двух государственных языках, высказываясь за введение трехлетнего моратория на обсуждение национальных проблем. Переговоры о создании коалиции окончились тем, что «Центр согласия» оказался в оппозиции, и это вызвало недовольство русскоязычных граждан Латвии. Именно в это время продолжился сбор подписей в поддержку признания русского языка вторым государственным. На этот раз к этой инициативе присоединился и лидер «Центра согласия», мотивируя свою позицию необходимостью быть вместе со своими избирателями, даже если не разделяешь их взгляд на проблему. Нужное количество подписей было собрано, что вызвало жесткую ответную реакцию у членов других партий, представленных в парламенте: они восприняли предлагаемый референдум как угрозу государственности Латвии. Вплоть до 18 февраля обе стороны вели агитационную кампанию, призывая людей идти на референдум.

События после референдума о двух государственных языках

Несмотря на болезненность для обеих общин вопроса, вынесенного на референдум, и ярко выраженную «этническую ориентацию» голосования, само мероприятие прошло в мирной обстановке, без каких-либо эксцессов. После обнародования результатов почти все политики, чтобы не раздражать общество, воздерживались от высказываний в терминах «победители»/«побежденные» или «патриоты»/«пятая колонна». Если за месяц до референдума обстановка была напряженной, то за неделю до него и после проведения стали появляться гражданские, негосударственные инициативы, направленные на сплочение общества.

Самая заметная из таких инициатив — Манифест доброй воли, который был создан и подписан видными деятелями культуры и в первую очередь — президентом Латвии Андрисом Берзиньшем. В Манифесте был предложен ранее не применявшийся в Латвии метод сплочения общества, суть которого в принципиальном отказе от попыток навязывания другому своей правды, своей точки зрения, в сознательном решении вести диалог на основе взаимного уважения. Вот самые характерные выдержки из Манифеста: «Мы, граждане и жители Латвии, обязуемся приложить свои силы для того, чтобы способствовать пониманию и примирению между различными группами живущих в Латвии людей. <...> Все мы, будучи людьми, в своей глубинной сущности являемся одинаково ценными индивидами, каждый с собственными дерзаниями и правом на воплощение своей мечты. <...> Мы объединились в общей любви и уважении к Латвии как к нашей единой родине. Мы считаем, что любить Латвию и заботиться о ее будущем

означает любить и ценить ее уникальную историю, латышские традиции, культурное пространство и латышский язык. Любить Латвию означает любить и уважать также другие традиции и культуры, обитающие в латвийском пространстве, людей всех национальностей, для кого Латвия является домом. <...> В любви к Латвии мы обязуемся не разжигать ненависть, агрессию и нетерпимость. Мы отказываемся получать прибыль от страха и отказываемся использовать агрессивную лексику. Мы будем учиться не реагировать агрессивно на агрессию, которую со своей стороны проявляют радикалы и нетерпимые люди. Мы считаем, что любая проблема разрешима в диалоге, преисполненном взаимным уважением и ответственностью заинтересованных сторон. <...> Мы осознаем, что несем в себе видимые и невидимые, осознанные и неосознанные следы и ранения прошлого. Мы осознаем, что единственный возможный путь для преодоления противоречивых следов прошлого — это взаимное прощение и отказ от предъявления друг другу счетов в том, кто больше виноват» [2]. Под Манифестом подписались и многие другие политики Латвии, в том числе спикер парламента, председатель парламентской комиссии по сплочению общества.

Через неделю после референдума центр общественной политики «Провидус» (Providus) провел дебаты случайно отобранных жителей Латвии — латышей и русскоговорящих — с целью поиска мер сплочения общества. Оказалось, что латышам и русскоговорящим жителям республики легче, чем политикам, договориться о конкретных решениях: например, о совместных мероприятиях или о бесплатном обучении латышскому языку [3]. Они одинаково видят будущее Латвии как страны, в которой комфортно живется представителям всех национальностей. Депутаты двух партий — «Центра согласия» и «Национального объединения» — собрали в помещениях своих фракций детей — учащихся латышских и русских школ. Размышления школьников о путях консолидации общества, их предложения по этому вопросу почти полностью совпали с теми, которые были выдвинуты в качестве приоритетных участниками дебатов, организованных «Провидусом».

Помимо таких миролюбивых инициатив после референдума появились реакции и другого рода: так, негодование русскоязычных жителей Латвии вызвала идея перевода детских садов на латышский язык общения/обучения. Они были также разочарованы тем, что парламент отклонил предложение о специальном статусе дня празднования Рождества для православных. На момент написания этой статьи объявлен сбор подписей за проведение референдума по вопросу предоставления гражданства всем жителям Латвии. В ответ на эту инициативу парламент рассматривает возможность ужесточения закона о референдумах.

Самым показательным днем, по которому можно судить о настроениях наиболее радикальных слоев латвийского общества, традиционно является 16 марта — день памяти тех, кто погиб, воюя в рядах легиона Третьего рейха. В 2012 году этот день прошел мирно, без провокаций с чьей-либо стороны.

Анализируя факторы, которые могут стать решающими для обеспечения комфортного сосуществования различных национальных общин в Латвии, следует начать с оценки поведения латвийских политиков. Именно политика до сих пор являлась фактором, порождающим, с одной стороны, нестабильность в межэтнических отношениях, с другой — известную стабилизацию: когда стихали политические споры, в обществе гасли и проявления национальной неприязни. Политикам временами удавалось убедить избирателя в том, что обсуждение вопросов истории, языка и гражданства должно быть отложено на какое-то время.

С целью понять, как относятся латвийские политики к проблеме взаимоотношений национальных общин, автором этой статьи было проведено небольшое исследование: через неделю после референдума всем депутатам (100 чел.) и министрам (12 чел.) в gudragalvas.lv были посланы вопросы о том, подписали ли они Манифест доброй воли и какова мотивация подписания/неподписания ими этого документа. В полученных ответах нами было выделено 36 мотиваций. В ответ на заданный вопрос 12 депутатов и министров (Эдгарс Ринкевичс, Илмарс Латковскис, Эйнарс Цилинскис, Атис Лейиньш, Оярс Эрикс Калниньш, Солвита Аболтиня, Валдис Затлерс, Валдис Лиепиньш, Инесе Либиня-Эгнер, Карлис Энгелис, Эдмундс Демитерс, Инга Бите) указали, что подписали Манифест. Не подписали этот документ 21 депутат и министр (Лаймдота Страуяма, Ингрида Цирcene, Валдис Домбровскис, Элина Силяня, Карлис Сержантс, Дзинтарс Расначс, Винета Пориня, Имантс Парадниекс, Инара Мурниеце, Карлис Креслиньш, Ингуна Рибена, Янина Пакуле-Курсите, Андрей Юдин, Ина Друвиете, Лолита Чигане, Ингмарс Чаклайс, Андрис Буйкис, Юрис Вилюмс, Михаил Землинский, Андрей Элксниньш, Борис Цилевич), в том числе и премьер Валдис Домбровскис. Три депутата выразились уклончиво (Инита Бишофа, Валерий Агешин, Клавс Олштейнс). По-видимому, они все-таки не подписали Манифест.

Мотивы подписания депутатами и министрами Манифеста доброй воли

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Манифест — ценностная база сплочения общества	6	Эдгарс Ринкевичс («Партия реформ Затлерса», министр иностранных дел): «Подписался, так как считаю, что это хорошая инициатива для сплочения общества на базе общечеловеческих ценностей»
Чтобы не было нагнетания межэтнической вражды; ради мира и согласия	4	Илмарс Латковскис («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по сплочению общества): «Чтобы не допустить нагнетания межэтнической вражды»
Так как нужно совместно думать о будущем	1	Валдис Затлерс (руководитель «Партии реформ Затлерса», депутат): «Я подписался, потому что считаю, что нам надо думать о будущем Латвии; о том, как мы все можем сотрудничать, чтобы решать проблемы и развивать страну. Нам нужно ставить вопросы государства выше, чем интересы партий. Я оптимист, считаю, что добрая воля лучше и конструктивнее, чем вражда»
Разные	1	Эйнарс Цилинскис («Национальное объединение», депутат): «Я мог бы назвать разные мотивы, но скажу только, что подписался, потому что я по вере христианин»

Как видно из таблицы, основные причины, по которым депутаты и министры подписались под Манифестом доброй воли, таковы: 1) манифест — это ценностная база для начала диалога о сплочении общества; 2) он дает надежду на то, что будет остановлено нагнетание межэтнической вражды. Как выразилась спикер парламента Солвита Аболтиня, «я подписалась под Манифестом доброй воли, потому что считаю, что важна любая инициатива, направленная на уменьшение нервозности в обществе, на его консолидацию. По моему мнению, политики должны не только прислушиваться к авторам Манифеста доброй воли, но и действовать в соответствии с его положениями. Я лично считаю этот Манифест призывом к эмоциональному примирению, на базе которого можно начать конструктивный диалог». Ясно также, что Манифест подписан сравнительно небольшим числом депутатов и министров, в основном — от партий правящей коалиции.

Мотивы неподписания Манифеста доброй воли депутатами и министрами

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Не понимаю, почему нужно примирение, почему надо просить о прощении	7	Инара Мурниеце («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по общественным делам): «Непонятно, кто с кем должен примириться, у кого просить прощения и зачем?»
Нужны не манифесты, а конкретные дела	6	Андрей Элксниньш («Центр согласия», депутат): «Я считаю, что нужны не документы, резолюции и манифесты, а конкретные действия в интересах общества. Посмотрите, сколько в стране политических документов, но почему-то никто не собирается их выполнять, потому что нет средств, механизмов их реализации. Но содержание Манифеста мне близко»
Манифест ничего не решит	4	Борис Цилевич («Центр согласия», депутат): «Намерения хорошие, в духе кота Леопольда. У меня к манифесту нет никаких претензий, но и надежд на то, что это что-то изменит, тоже нет. Пока выражаемся в общих словах, все в порядке, но, когда дойдем до конкретных дел, появятся проблемы»
Не было времени/возможности подписаться	4	Юрис Вилломс («Партия реформ Затлерса», депутат): «Мы с коллегией Гунарсом Игаунисом Манифест полностью поддерживаем, но технически – пойти в президентский замок и подписаться – у нас не было возможности»
Документ не ясен	3	Ингрида Цирcene («Единство», министр здравоохранения): «Я согласна, что цели Манифеста благородны, но все-таки документ довольно неясный по содержанию»
Латышам с русскими надо разговаривать с позиций государствообразующей нации	2	Инара Мурниеце («Национальное объединение», депутат, председатель парламентской комиссии по общественным делам): «Латыши с остальными этническими группами Латвии диалог должны вести любезно, но с позиций государствообразующей нации»

Окончание табл.

Мотив	Количество подписавших	Характерная цитата
Референдум был проявлением агрессии со стороны России	1	Карлис Сержантс («Союз зеленых и крестьян», депутат): «Я никогда не разделял людей по этническому признаку или по языку, но последние действия все-таки считаю не зовом о помощи со стороны русскоязычной общины, а агрессией имперски мыслящего соседнего государства по отношению к другой стране, которую оно считает своей бывшей колонией».
Неясный	3	Андрис Буйкис («Единство», депутат): «Я не считаю это полезным делом»

Итак, причины, по которым депутаты и министры не подписались под Манифестом, таковы: 1) часть несогласных не устраивает примиренческий пафос Манифеста (респонденты утверждают, что историческая правда исключительно на стороне Латвии, и поэтому не готовы идти на компромисс, к которому побуждает Манифест); 2) другие несогласные считают нецелесообразным само появление Манифеста (респонденты не имеют претензий к содержанию документа, но уверены, что необходимы не манифесты, а действия).

Хотя на вопросы ответили в основном представители правящей коалиции, главная линия аргументации показательна для всего парламента. Депутаты самой большой партии в парламенте («Центра согласия») не раз публично утверждали, что согласны с основными установками Манифеста, но не видят смысла подписывать предложенный конкретный документ. Депутаты второй партии оппозиции — Союза зеленых и крестьян — публично аргументируют свое решение по-разному: некоторые считают невозможным начать историю с белого листа, другие призывают искать примирения, но иными способами.

Судя по инициативам, которые были описаны выше, можно сделать заключение о том, что в Латвии в данный момент у многих политиков наличествует политическая воля способствовать консолидации общества. В разных партиях эти добрые знаки выражаются по-своему.

1. «Центр согласия» — главная партия оппозиции — представляет в основном русскоговорящих граждан Латвии. До референдума она имела куда больше возможностей работать с правительством, чем сейчас. Во время референдума не все депутаты от этой партии поддержа-

ли призыв своих лидеров голосовать за два государственных языка. На данный момент обрисовались контуры новых политических партий, находящихся в процессе создания, но потенциально способных стать конкурентами «Центра согласия».

2. «Единство» — правящая партия спикера и премьер-министра. Если раньше «Единство» выступало с позиций ассимиляционной модели интеграции, то спустя месяц после референдума его представители намного осторожнее относятся к этим вопросам. «Единству» незачем нагнетать напряженность, но и вести активный диалог с русскоговорящим электоратом, который практически не голосует за эту партию, тоже нет мотивации. Внутри «Единства» наблюдается все больший разброс мнений по вопросам интеграции: только некоторые его представители подписали Манифест доброй воли. В большинстве же депутаты от «Единства» по самым разным причинам не поставили свои подписи под этим документом.

3. «Партия реформ Затлерса», существующая только с середины 2011 года, показала второй результат на внеочередных выборах. Абсолютное большинство ее избирателей — латыши, но основная часть депутатов от этой партии подписала Манифест доброй воли, учитывая интересы и латышей, и русскоговорящих избирателей.

4. «Национальное объединение» — радикально консервативная партия, депутаты от которой чаще всего выдвигают на первый план именно вопросы языка, истории и гражданства. Спустя месяц после референдума «Национальное объединение», как кажется, начинает терять свое влияние на остальные партии правящей коалиции. Очевидной становится неоднородность настроения его членов: так, два видных политика, будучи членами этой партии, выступили инициаторами создания Манифеста доброй воли.

5. «Союз зеленых и крестьян» — вторая партия оппозиции — не заинтересован в нагнетании межэтнической напряженности, но пока не готов делать конкретные шаги навстречу русскоговорящим жителям Латвии.

На данный момент единственная из парламентских партий, которая могла бы быть заинтересована в обострении обстановки, — «Центр согласия». Она могла бы ужесточить свою и без того радикальную политику из боязни потерять своего избирателя и утратить влияние на другие партии, но референдум показал: радикализация ведет к отчуждению партии от власти. Поэтому более вероятен сценарий отката «Центра согласия» от усиления конфронтации.

Самая большая проблема латвийской политики состоит в отсутствии в парламенте партии, которая бы одинаково внимательно прислушивалась и к латышам, и к русскоговорящим жителям Латвии.

Что дальше? Возможные модели развития латвийского общества

Очевидная тенденция современности — интеграция латышского и русского этносов в пространстве Латвии: растет процент жителей республики, имеющих латвийское гражданство и знающих латышский язык. С распространением интернета (особенно социальных сетей) все больше людей узнают о том, что происходит в информационных пространствах двух национальных общин.

Представляется, что для латвийского общества возможны четыре модели дальнейшего развития: 1) создание сплоченного гражданского общества; 2) формирование модели «уютного» сосуществования национальных общин; 3) создание модели «трения» латышской и русской общин; 4) формирование модели конфронтации общин.

1. Модель сплоченного гражданского общества.

Эта модель постепенного формирования нации с одной («совместной») идентичностью, для которой вопросы языка и этнической принадлежности будут неактуальны. При ее реализации почти все жители Латвии станут ее гражданами, будут свободно общаться на разных языках, ориентируясь на собственные предпочтения. Партии будут ориентированы на решение вопросов, касающихся не отдельных этнических групп, а всего социума страны. В сплоченном гражданском обществе североевропейского типа слово «латыш» или «латвиец» будет обозначать не этническую принадлежность, а гражданство.

2. Модель «уютного» сосуществования общин.

В этой модели акцент делается не на создании единой нации, а на том, чтобы разные общины Латвии мирно сосуществовали на основе взаимного уважения. Эта модель предполагает главенство партии, представляющей только одну из общин. Но при этом все другие партии должны с готовностью идти на компромиссы, поскольку в обществе согласие и взаимопонимание будут цениться выше, чем яростная борьба за интересы своей общины.

3. Модель «трения» общин.

В случае реализации этой модели жители Латвии ясно ощутят себя представителями определенной национальной общины, будут сохранять убеждение в том, что интересы общин находятся в конфликте, и поэтому станут голосовать за партии, защищающие именно их. Общины внимательно и с подозрением станут следить друг за другом, ожидая внезапных нападков противной стороны. Согласие и компромиссы будут возможны только по «нейтральным» вопросам. Время от времени начнут обостряться протестные настроения, вследствие чего возникнет потребность в новых референдумах по национальным, разделяющим общины вопросам.

4. Модель конфронтации.

В случае «победы» этой модели лидеры общин станут вести себя агрессивно. Межэтнические отношения будут все более накаляться, начнут копиться взаимные обиды, усиливаться недоверие, сегрегация.

По нашему мнению, на данном этапе Латвия переходит с третьей модели развития на вторую. Как показывают дебаты ее жителей, наше общество — и латыши, и русскоговорящие — отрицает политику стравливания национальных общин, нацелено на достижение прагматичных компромиссов по болезненным вопросам гражданства и языка. Для некоторых политических партий и представителей общества более выгодна третья модель сосуществования, поскольку они стремятся взять на себя роль непримиримых борцов за интересы родной общины. Часть общества именно такую модель считает наиболее реалистичной. Как показывают события и до, и после референдума, в Латвии почти невозможна реализация четвертой модели — жесткая конфронтация между общинами, поскольку провокации или непродуманные инициативы (например, идея перевода всех детских садов только на латышский язык) могут привести к временным осложнениям отношений, но не к стойкой ненависти на национальной почве.

Если говорить о самом вероятном варианте развития общества Латвии через 10–20 лет, то, думается, выбирать следует из двух моделей: первой и второй. Постепенно, с реализацией возможностей, которые открыты вступлением страны в Европейский союз, и по мере психологического «притирания», сближения национальных общин в Латвии сформируется сплоченное гражданское общество. Как только будет найден компромисс в решении вопроса о правах неграждан и представители хотя бы одной партии, за которую голосуют русскоговорящие, войдут в состав правительства, пропадет почва для межэтнического конфликта.

Список литературы

1. Веб-сайт референдума о придании русскому языку статуса государственного. URL: <http://www.cvk.lv/pub/public> (дата обращения: 03.03.2012).
2. В Рижском замке подписан Манифест доброй воли. URL: <http://www.baltic-course.com/rus/opinion/?doc=53023> (дата обращения: 20.03.2012).
3. Гражданские дебаты об интеграции. URL: http://www.providus.lv/upload_file/RU_zinojums.pdf (дата обращения: 18.0.2012).
4. *Latvijas statistika*. 2011. URL: <http://www.csb.gov.lv> (дата обращения: 14.03.2012).